

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

ПОГОРЕЛОВ ГАВРИИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

*старший преподаватель кафедры философии, культурологии и иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
nic@gipsr.ru*

GAVRIIL POGERELOV

*Senior Lecturer, Department of Philosophy, Cultural Studies and Foreign Languages,
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УДК 128

К ВОПРОСУ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

ON THE QUESTION OF THE MEANING OF LIFE

АННОТАЦИЯ. Существуют охватываемые и не охватываемые разумом слои смысла жизни. В статье речь пойдет о первых. Стихия смысла жизни — это эмоционально окрашенная информация. Представления о смысле жизни у людей изменяются во времени и пространстве, а также вследствие неоднородности человеческого общества. Автором рассмотрены четыре возможных направления научного поиска содержания понятия «смысл жизни».

ABSTRACT. There are layers of the meaning of life that could be perceived and not perceived by the mind. The subject of the article covers only those layers, which could be perceived. Emotive information is the environment of the meaning of life. Human concepts of the meaning of life change across time and space as a result of heterogeneity of human society. The article examines four possible directions of scientific search for the concept of «meaning of life».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орган смысла, цель жизни, предназначение человека, идея индивида, игра, удел человека, «тайна бытия» человека, мировоззрение.

KEY WORDS: organ of meaning, purpose of life, human destiny, idea of a person, game, inheritance of a human, «mystery of being», world outlook.

Незримо смысл жизни пребывает в каждом поступке, но не воплощен целиком ни в одном из них и поэтому находится по ту сторону от метрического мира фактов, чувственных данных; он ускользает от внешней знаковой фиксации, категоризации. Смысл жизни не воспринимается непосредственно, а понимается либо интуитивно через совесть как орган смысла, либо в результате размышлений над серией поступков, вычитывается из событийного текста [12, с. 809].

То, что мы называем «смыслом жизни», может означать и невербализуемую индивидуально переживаемую, интуитивно воспринимаемую реальность нашей сокровенной внутренней жизни, и охватываемые понятиями наши представления о ней. Не существует отчетливой границы между чувством, чувством-образом, образом-мыслью, абстрактными понятийными конструкциями. Индивидуальные переживания плавно перетекают в абстрактные представления, концепции, и наоборот. Предметом нашего рассмотрения будут представления о смысле жизни.

То, что именуется «смыслом жизни», в разное время, у разных народов и у разных авторов

выражалось по-разному: «цель жизни», «предназначение человека», «задачи человеческого бытия», «идея индивида», «главные и постоянные идеалы человека», «тайна бытия человека», «удел человека» т. д. В настоящей работе ко всем этим понятиям мы будем относиться как к синонимам.

Вначале мы приведем несколько определений смысла жизни, чтобы потом более подробно рассмотреть то общее и фундаментальное, что присуще этому понятию.

Определения понятия «смысл жизни»:

- «регулятивное понятие, присущее любой развитой мировоззренческой системе, которое оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы, показывает, во имя чего необходима предписываемая ими деятельность» [11, с. 311];
- умопостигаемая целостность всех проявлений человеческой души;
- внутреннее целое всех значений, составляющих «драму» жизни индивида (интеграл всех значений жизни индивида);
- заложенный в душе каждого человека генотип, который предопределен свыше, и превращение этого генотипа в фенотип [12, с. 809];

- «...высшим назначением человека является согласованное развитие различных сторон его природы — тела, ума и духа» [8, с. 3];

- мужественно вести себя по жизни;
- уподобиться Иисусу Христу, чтобы попасть в Царствие Небесное и обрести жизнь вечную;
- смысл жизни в самом человеческом существовании;
- сохранить свою внутреннюю свободу и независимость от внешнего мира;
- прожить счастливо;
- соблюсти нравственный закон;
- осознать, что каждый из нас является проявлением и орудием саморазвития и самопознания Абсолютного Духа;

- служение высшему и абсолютному благу;
- «...подлинный смысл жизни — «тайна бытия» человека — заключен в содействии разрешению назревших задач общественного развития, в созидательном труде, в ходе которого формируются предпосылки для всестороннего развития личности. Лишь такая форма жизнедеятельности обладает объективной ценностью и смыслом» [13, с. 517–519].

Некоторые исследователи считают, что жизнь необходимо бессмысленна, поэтому сам вопрос о смысле жизни незаконен [13, с. 517–519].

Стихия смысла жизни не материя и не энергия, но и не информация в чистом виде, т. е. в ее техническом понимании. Это, скорее, эмоционально окрашенная информация о самом важном и сокровенном в человеческой жизни.

Бывает, что «идея индивида» в переломный момент его жизни, в пограничных ситуациях становится предельно ясной, отчетливо зримой. Жизнь иррациональна по своей сути, и наше сознание часто ошибается, когда мы пытаемся выразить невыразимую глубину человеческой души. Смысл жизни — это предмет веры, интуиции, инстинкта, но не предмет научного разбирательства. А. Камю полагал, что только через отношение к смерти можно пытаться определить смысл жизни [12, с. 809].

Наш разум, отчетливо осознавая свои ограниченные возможности в попытках понять, что есть жизнь, в чем ее смысл, все равно не смиряется перед этой неподъемной для него глыбой — такова его природа, таков человек. Согласно В. С. Соловьеву, предназначение человека в объяснении того, каким образом он, будучи существом относительным, может выйти из сферы своей данной действительности и трансцендентировать к абсолютному [13, с. 517–519], и поэтому, являясь людьми, будем хотя бы частично исполнять свое предназначение, как его постигал автор вышеизложенного взгляда.

Содержание понятия «смысл жизни» зависит от мировоззрения того, кто пишет или говорит о нем. Мировоззрение — это концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире. Мировоззрение предполагает образ мира как целого. Это возможно при возвышении над обыденностью повседневного существования и выходе в сферу всеобщности. Мировоззрение по сути своей метафизично. Позиция «над миром и собой», собственно, и является человеческой

духовной позицией. С одной стороны, мировоззрение всегда лично — это высший уровень самосознания, с другой — оно сопрягается со взглядами, идеями, убеждениями, ценностями и идеалами других людей, со своей цивилизацией, эпохой [12, с. 393–394].

Внутри каждого мировоззрения свои представления о человеке и обществе, о человеке и Космосе, о земном и потустороннем, о достойном и недостойном и т. д. Как следствие, будут разными и представления о смысле жизни для поэта и химика-органика, атеиста и верующего, язычника и приверженца религии единобожия, жесткого детерминиста и вероятностника, для индустриала и конфуцианца.

У представителей одного и того же народа, но в разные периоды его исторического бытия отношение к жизни, суждения о ее смысле различаются. Многим сподвижникам Петра I смысл жизни виделся в служении Отечеству, усилении Государства Российского. Спустя столетие, когда появились «лишние люди» (Чацкие, Онегины, Печорины), поэт П. А. Вяземский уже писал: «Я не умел постигнуть жизни смысла». В его стихотворении «Мудрец, или лентяй...» уже нет определенности в представлении о смысле жизни, свойственной служивым русским людям начала XVIII века. «Жил, не заботившись проведать жизни цель, и умер, не узнав, зачем он умирает». «Как знать, зачем пришли мы? Зачем уходим мы? На всем лежит покров» [3, с. 8].

Духовно-мировоззренческий кризис значительной части творческой интеллигенции российского общества начала XX века отчетливо выразил К. Д. Бальмонт [3, с. 8]:

*И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, —
Всю смену дней, всю красочность картин,
Всю роскошь солнц и лун — я проклиная!*

Перед нами уже не только потеря смысла жизни и неприятие природного бытия, но и проклятие красоте.

Любое общество неоднородно — по своему профессиональному, социально-экономическому, культурному составу, по своим телесным, психологическим и духовным параметрам. Например, среди афинян IV века до н. э. были те, кто учил, что смысл жизни в том, чтобы сберечь от осквернения свою бессмертную душу, другие утверждали, что он в познании, третьи — что он в удовольствии, четвертые считали в том, чтобы преодолеть в себе животную природу, пятые — чтобы после своей физической смерти больше никогда не воплотиться в новое тело и т. д. Смысл разный для ремесленника и полководца, купца и земледельца, грубого по натуре человека и утонченного, образованного.

Смысл жизни может быть разным для родных братьев, и это нашло отражение в сюжетах многих мифов, героических эпосов, сказок, литературных произведений. Представления о смысле жизни у каждого человека не являются константой — с возрастом они претерпевают изменения. В пограничных ситуациях, например на грани жизни и смерти, переосмысление ценностей происходит иногда почти мгновенно.

Представления о смысле жизни либо в явной, либо в неявной форме присутствуют как во внутреннем мире каждого из нас, так и в мире социальной действительности во всем ее богатстве. Если существуют разные представления о смысле жизни и если они изменчивы, как на личностном, так и на надындивидуальном уровнях, то встает вопрос о том, как исследовать эти представления. Рассмотрим в самом общем виде несколько возможных направлений поиска.

В изречениях великих мыслителей и в работах, посвященных проблематике смысла жизни, можно попытаться выявить то общее, фундаментальное, что относится к смыслу жизни.

Поскольку труды, посвященные «проблеме человека», поиску и определению его сущности, часто несут в себе и суждение о его предназначении, смысле жизни, то можно, разбирая содержание различных представлений о человеке, выявлять в них интересующее нас содержание. Кант, например, полагал, что ключевые вопросы гносеологии («Что я могу знать?»), этики («Что я должен делать?») и теологии («На что я могу надеяться?») могут быть сведены к одному основному вопросу — «Что такое человек?» [14, с. 356].

Понимая, что сумма частей, составляющих целое, качественно, по сути, всегда меньше исходного целого, все же можно, выявляя по отдельности сущность большого числа понятий «жизнь» и понятий «смысл», синтезировать их в единое целое и попытаться приблизиться к сердцевине искомого. Если понятия «жизнь» и «смысл» используют в предельных значениях — их содержание начинает приближаться к содержанию того, что мы называем «смыслом жизни». Жизнь не бессмысленна, ибо в самом феномене жизни есть смысл, когда сопоставляешь живое с неживым, а условием проявления смысла или смыслов только и может быть живое, наделенное разумом.

В явной или неявной форме проблема смысла жизни становится центральной во всех разработанных мифологиях и религиях мира, философских системах, художественной литературе, фольклоре, искусстве и т. д. В них актуализирован основной массив представлений рода человеческого о смысле жизни.

К практическому воплощению исследований по содержанию представлений о смысле жизни можно относиться как к перспективе, уходящей в бесконечность. Поэтому мы в своей работе попытаемся затронуть на конкретном материале только некоторые аспекты проблемы и начнем с представлений о смысле жизни индейского мага и колдуна из племени яки — Хуана Матуса, более известного читателю как Дон Хуан. Этот маг, обучая своему искусству американского аспиранта Карлоса Кастанеду, не просто рассказывал ему о наркотических свойствах тех или иных растений, а прежде всего затрагивал мировоззренческие основы культуры ввода человека в измененное состояние сознания, пребывания в нем и плавного, без отрицательных последствий для него, возвращения в мир привычных нам ощущений, восприятий, представлений. Учитель теоретически и практически обучал

Кастанеду «видеть» те слои реальности, которые не воспринимаются нашими органами чувств и сознанием в обычном состоянии. Человека, естественно совмещающего познание бытия в обыденном и измененном состоянии сознания, Дон Хуан называет «человеком знания». Согласно его учению, «брухо», т. е. «человек знания», живет действуя, а не думая о действии [6, с. 233].

Чтобы стать человеком знания, необходимо прилагать титанические усилия. Для чего? «Ты должен чувствовать все, — говорит он, — иначе мир потеряет смысл» [6, с. 154]. Казалось бы, цель сверхнапряжения всех сил ясна — чтобы мир не потерял свой смысл. Получается, что опора «брухо» вроде бы во внешнем мире. Но нет же! «Чтобы сделаться человеком знания, надо быть воином, а не хнычущим младенцем. Нужно стремиться к этому, подавляя желание бросить, идти без жалоб и отступлений, до тех пор, пока не сможешь видеть. А это нужно затем, чтобы понять — все одинаково безразлично» [6, с. 226].

Из этих слов индейского колдуна следует, что последняя и окончательная опора «человека знания» в нем самом и смысл его жизни состоит в таком преобразовании своей телесной, психологической организации, в таком преображении сознания, когда для него «то, что внутри, то и снаружи, а то, что снаружи, то и внутри». Как и для достигшего просветления буддиста, при таком состоянии сознания мага вещи, предметы, явления внешнего мира, собственные обычные и мистические возможности уже не имеют значения. Наступает высшее бесстрастие человеческого духа.

Согласно учению орфиков (от имени легендарного Орфея), наша душа является одной из частичек Божественного Первосвета. Из-за эгоизма и жажды самоутверждения эти частички от состояния единения и слитности с Первосветом перешли в обособленное существование и, как следствие, попали в плен мрака и материи. Тело для души та же тюрьма. Душа не только предшествует телу, но и не погибает вместе с ним. Душа осуждена через серию перевоплощений в новые тела страдать за свое предательство Божественного Первосвета. Страдания души очищают ее и приближают возможность возвращения на свою Небесную Родину. Но, помимо страдания, душу очищают и мистерии, религиозные практики, во время которых происходит отключение личностного, рассудочно-разумного начала в человеке и временное восстановление связи с Божественным. «Орфическая жизнь» <...> есть жизнь уединенная и имеет целью положить конец циклу реинкарнаций и освободить душу от тела» [9, с. 9].

Для Пифагора и его последователей цель жизни та же, что и для орфиков: освободить душу от тела через очищение ее и вернуться к жизни среди богов [9, с. 32]. Будучи идейными наследниками орфиков, пифагорейцы, в отличие от своих предшественников, видели путь очищения преимущественно в познании, науке, телесно-психологическом и духовном резонансе с Космосом. И тело, и душа требуют постоянного музыкального воздействия, сосредоточивания в себе. По пифагорейской

классификации есть существа трех родов: боги, люди и человекобоги. Ученики и последователи Пифагора практиковали контролируемое и направляемое разумом установление связи с иерархически более высокими уровнями разумности, нежели человеческий уровень. Для них смыслом жизни было превращение в человекобога или бесконечное приближение к такому идеалу уже в этом телесном воплощении.

Совершенно необычное представление о предназначении человека, которое присутствует у Платона, воспринимается глубже, полнее и объемнее после хотя бы легкого ознакомления с природой игры, веселья, с философией даосов. Согласно Платону, «...человек же <...> это какая-то выдуманная игрушка бога, и, по существу, это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято <...> Надо жить играя. Что же это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах <...> чтобы играя снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы; ведь люди в большей части своей куклы и лишь немного причастны истине» [7, с. 803с-804б].

Психологи к игре относятся как к виду непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в результате ее, а в самом процессе [2, с. 31]. В этой же статье об игре говорится как о влечении к освобождению, слиянию с окружающим. И сейчас, и в XIX веке, и еще раньше игру определяли как «забаву, установленную по правилам» [4, с. 6], «развлечение с определенными правилами» [10, с. 443].

Является ли игра элементом культуры, или же культура — один из элементов игры Бытия, — мы до сих пор не можем уверенно утверждать. Во всяком случае, изречения Гераклита Эфесского дают основания считать, что он был сторонником второго взгляда: «Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!» [досл. «Эон — ребенок, играющих в песейю, ребенку принадлежит царская власть»] [15, с. 242–243]. Если учесть, что «песейя» — бросание костей, а «Эон» — век, вечность, персонификация времени, то великого эфесца можно понять двояко: что Бог вечно играет и что Время — вечно играющий Бог. Общим для двух трактовок этого фрагмента Гераклита будет следующее: вечная игра разумной управляющей силы в универсуме.

О космогонической роли игры и веселья другими словами говорит и персонифицированная мудрость. Когда Творец «...проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны <...> тогда я была при нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими» [1, с. 22–31].

Один из блестящих знатоков природы игры Й. Хейзинга также считал, что она старше, первичнее, фундаментальнее культуры, ибо уже животные играют, и они вовсе не ждали появления человека,

чтобы он научил их играть [17, с. 9]. Игра в животном мире представляет собой явление гораздо большее, чем физиологическая или биологическая целесообразность. В игре участвует нечто такое, что превосходит непосредственное стремление к поддержанию жизни и вкладывает в это действие определенный смысл [17, с. 10–11]. Существует активный принцип, разумное начало, являющееся чем-то внешним по отношению к игре и сообщающее ей свою сущность.

Можно отрицать почти все абстрактные понятия: право, добро, дух, Бога. Игру — нельзя. Признавая игру, мы признаем, что она не есть нечто материальное. Бытие игры в самом высшем смысле подтверждает надлогический характер нашего положения во Вселенной. Если животное может играть, значит, оно уже нечто большее, чем просто механизм. Когда собака приглашает нас поиграть с ней, она как бы говорит: «Смотри, не я подчинюсь алгоритмам, а они мне; алгоритмы только часть, фрагменты, а я знаю, что такое целое, оно выше логики, и я тоже над ней» [17, с. 13]. Когда мы, люди, играем, мы знаем, что мы играем, и мы знаем, что мы более чем разумные существа, ибо игра есть занятие внеразумное.

Сущность игры неподвластна всякому анализу, логической интерпретации. Мы должны попытаться понять и оценить игру только в ее целостности. Игра опирается на действия с определенными образами, на известное «пре-ображение» действительности. Пространство, на котором развертывается действие игры, уже особое: там действуют собственные правила, изменяется предназначение предметов. Это как бы временные миры внутри обычного, созданные для выполнения замкнутого в себе действия. Внутри игрового пространства царит собственный, безусловный порядок. Игра творит этот порядок. В несовершенном мире и сумбурной жизни она создает временное ограниченное совершенство. Игра — это практика творения иных миров, что приближает живые существа к Создателю, к Разумной Всеустройющей Силе во Вселенной. Игра не есть «обыденная» жизнь и жизнь как таковая. Она, скорее, выход из рамок этой жизни во временную сферу деятельности, имеющей собственную направленность [17, с. 18].

Ф. Шиллер полагал, что «каждый отдельный человек по своим склонностям и призванию несет в себе сугубо идеального человека, согласование с неизменным единством которого — великая задача человеческого бытия во всех его превращениях» [16, с. 502]. Предел совершенства человека или, по Шиллеру, «идеальный человек» — это то, что по своему качеству, составу и устройению абсолютно неизменно и стремление к чему является «великой задачей человеческого бытия». В каждом из нас как незримая путеводная звезда присутствует этот «идеальный человек».

Согласно Е. Н. Трубецкому, вера в смысл жизни связана с верой в человека как носителя этого смысла. Человек обладает «смыслом истины», космическим сознанием, т. е. он несет в себе часто неосознаваемое знание об изначальной противоречивости бытия. Это присущее человеку «абсолютное

сознание» придает ему царственное достоинство. Существует противоречие между целями государства и достоинством человека. Государству зачастую нужны недостойные люди, что ведет к «утрате человека» и культуры. Спасение только в возрождении «абсолютного сознания», в подъеме к безусловному всеединому сознанию, о котором свидетельствует совесть.

В «Легенде о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» В. В. Розанов утверждал, что «истина, добро и свобода суть главные и постоянные идеалы, к осуществлению которых направляется человеческая природа в главных элементах своих — разуме, чувстве и воле» [3, с. 11].

В отличие от религиозно-философских взглядов Трубецкого, Розанова и других представителей русской философии начала XX века натурфилософский подход видит «корень человеческого существа — в чувствах и естестве-характере» [18, с. 178]. Если корень человеческого существа, т. е. сущность человека, в чувствах и естестве-характере, то предназначение человека — прожить жизнь в соответствии со своим естеством-характером, если оно не идет в разрез с устоявшимися нормами общества. Здесь смысл жизни предстает как задача реализовать, воплотить все природой нам данные чувства и качества.

Онтологический подход к проблеме смысла жизни человека связан с платонической традицией рассматривать всю жизнь человека как развертывание, реализацию идеи индивида. В душе каждого человека «упакованы» в свитом виде возможности

жизненного пути, и эти предназначения развертываются через телесные проявления души, оплотняясь в судьбу [12, с. 809].

Разбирая статьи русских философов конца XIX — начала XX века, посвященные теоретическому осмыслению жизни, Н. К. Гаврюшин придает большое значение выяснению содержания понятия «смысл». Для него смысл «есть порождение того целомудрия, которое не ведает распада на чувственное и рациональное, которое Полноту Смысла соотносит с образом, иконой Полноты Жизни» [3, с. 9]. Смысл не только проявление полноты, целостности, добротности человека. Полнота Смысла не может быть порождена вне ее соотношения с Полнотой Жизни. Другими словами, когда мы говорим о Смысле в подлинном значении этого слова, то мы говорим о Жизни, и, наоборот, когда мы говорим о Жизни в подлинном значении этого слова, то мы говорим о Смысле.

Каждой эпохе, когда Ум, Чувство, Воля и Вера еще расщеплены между собой, соответствует своя Полнота Смысла, своя полнота картины мира, его понимания, своя Полнота Жизни. По Дионисию Ареопажиту, добро — это полнота картины мира, полнота его понимания, а зло, наоборот, неполнота картины мира и его понимания [5, с. 379]. На уровне глубинного содержания понятия «добро», «жизнь», «полнота», «смысл», «умные энергии», «смысл жизни» предстают разными гранями единого. Гераклит Эфесский называл эту стержневую основу бытия Логосом, элеаты — Единым, Платон — Благом, китайцы — Дао.

1. Библия. М.: Российское Библейское общество, 2012. 1408 с.
2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1972. Т. 10. 590 с.
3. Гаврюшин Н. К. Смысл жизни. Антология. М.: Прогресс-Культура, 1994. 591 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра-Терра, 1994. Т. 2. 780 с.
5. Дионисий Ареопажит. Сочинения. СПб.: Алетейя, 2002. 862 с.
6. Кастанеда К. Учение Дона Хуана. СПб.: Особая реальность, 1992. 382 с.
7. Платон. Законы. М.: Мысль, 1999. 832 с.
8. Радхакришнан С. Индийская философия: В 2 т. СПб.: Репринт, 1994. Т. 1. 738 с.
9. Реали Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: В 4 т. СПб.: Пневма, 1994. Т. 1. 368 с.
10. Словарь древнерусского языка XI-XIV веков. М.: Русский язык, 1989. Т. 2.
11. Словарь по этике / под ред. И. Кона. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
12. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М.: Панпринт, 1998. 1064 с.
13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
14. Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1970. Т. 5. 742 с.
15. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. М., 1989. Ч. 1. 289 с.
16. Философский словарь / под ред. Г. Шишкоффа. М.: Республика, 2003. 575 с.
17. Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс, 1997. 416 с.
18. Шао Л. О человеческом существе // Искусство властвовать. М.: Библиотека расовой мысли, 2001, 288 с.

References

1. Bibliya [The Bible]. Moscow: Rossiyskoye Bibleyskoye obshchestvo Publ., 2012. 1408 p. (In Russian).
2. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 10. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972. 590 p. (In Russian).
3. Gavryushin N. K. Smysl zhizni. Antologiya [The meaning of life. Antology]. Moscow: Progress-Kultura Publ., 1994. 591 p. (In Russian).
4. Dal V. I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. Vol. 2. Moscow: Terra-Terra Publ., 1994. 780 p. (In Russian).
5. Dionysius the Areopagite. Sochineniya [Works]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2002. 862 p. (In Russian).

6. *Castaneda C.* Ucheniye dona Huana [The teachings of Don Juan]. St. Petersburg: Osobaya realnost Publ., 1992. 382 p. (In Russian).
7. *Platon.* Zakony [The laws]. Moscow: Mysl Publ., 1999. 832 p. (In Russian).
8. *Radhakrishnan S.* Indiyskaya filosofiya [Indian philosophy]. Vol.1. St. Petersburg: Reprint Publ., 1994. 738 p. (In Russian).
9. *Reale G., Antiseri D.* Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney [Western philosophy from its origins to the present day]. Vol. 1. St. Petersburg: Pnevma Publ., 1994. 368 p. (In Russian).
10. Slovar drevnerusskogo yazyka XI-XIV vekov [XI–XIV centuries Dictionary of Old Russian language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1989. (In Russian).
11. *Kon I. S.* (ed.). Slovar po etike [Dictionary of ethics]. Moscow: Politizdat Publ., 1981. 430 p. (In Russian).
12. *Kemerov V. Ye.* (ed.). Sovremennyy filosofskiy slovar [Modern philosophical vocabulary]. Moscow: Panprint Publ., 1998. 1064 p. (In Russian).
13. *Frolova I. T.* (ed.). Filosofskiy slovar [Philosophical vocabulary]. Moscow: Respublika Publ., 2001. 719 p. (In Russian).
14. Filosofskaya entsiklopediya v 5 tomakh [Encyclopedia of philosophy in 5 volumes]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1960–1970. 742 p. (In Russian).
15. *Lebedev A. V.* (ed.). Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov [Fragments of early Greek philosophers]. Vol. 1. Moscow, 1989. 289 p. (In Russian).
16. *Shishkoff G.* (ed.). Filosofskiy slovar [Philosophical vocabulary]. Moscow: Respublika Publ., 2003. 575 p. (In Russian).
17. *Huizinga J.* Homo Ludens. Moscow: Progress Publ., 1997. 416 p. (In Russian).
18. *Liu Shao.* O chelovecheskom sushchestve. Iskusstvo vlastvovat [About human being. Art of domination]. Moscow: Biblioteka rassvoy mysli Publ., 2001. 288 p. (In Russian).